

Пунцовые щёки и огромный живот

Боже мой, сколько шума! А всё потому, что дядя Хэйп вернулся из своего путешествия! Вся семья Шульце-Науманн собралась у наших ворот. Они громко болтали и смеялись. Больше всех приезду моего дяди обрадовалась бабушка Гертруда — она

так крепко прижала его к своей необъятной груди, что едва не раздавила.

— Ах, мой мальчик! — радостно воскликнула она. — Как же я зчастлива, што ты вернулся домой живим и здоровим!

Дядя Хэйп рассмеялся и осторожно попытался высвободиться из объятий бабушки Гертруды. Однако сделать ему это удалось не сразу. Господин Шульце-Науманн засыпал

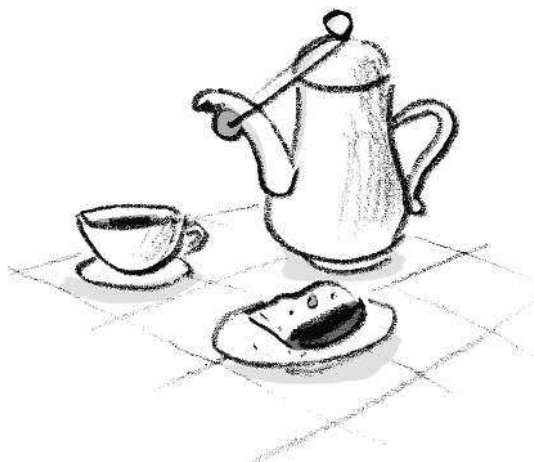

моего дядю вопросами, а его жена подарила нам домашнее варенье.

— Почему бы вам чуть позже не зайти к нам на кофе с пирожными? — предложила фрау Шульце-Науманн. — Тогда ты, Хэйп, смог бы подробнее рассказать о своём путешествии. Мне так интересно узнать, что ты повидал за последние три месяца.

— Спасибо за приглашение, — ответил дядя с дружелюбной улыбкой. — Но, может, лучше отложим разговоры за кофе на завтра? — он провёл рукой по своему бледному худому лицу. — Я немного устал с дороги.

— Ох и исхудал же ты! — укоризненно покачала головой бабушка Гертруда. —

Мальщик, мальщик, даже джинзики на тебе болтаются.

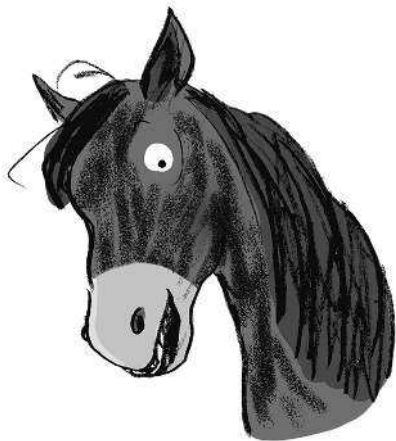
Если вы вдруг не поняли, она имела в виду брюки дяди Хэйпа. Бабушка Гертруда разговаривает на особом диалекте. Дело в том, что она родилась в Восточной Фрисландии — там все так говорят. Мне её речь кажется очень смешной, но я к ней уже привыкла, хотя до сих пор не могу разобрать некоторых слов.

Теперь мне очень нравится жить здесь, в нашей деревне. Мы с мамой даже решили остаться тут навсегда! И это просто невероятно! Раньше мне становилось плохо от одной мысли, что придётся провести здесь летние каникулы. Я протестовала против поездки в эту глухомань и была в ужасе, когда узнала, что по соседству расположилась ферма с пони. Ну, а сейчас всё по-другому.

Во многом это заслуга упрямого угольно-чёрного пони с белым пятном на лбу и самой очаровательной улыбкой на свете. Конечно, я говорю о моём четвероногом друге Булли. Он влюбился в меня с первого взгляда. У меня же каждый раз, когда он врывался

в мою мастерскую, начиналась паническая атака. Он всегда и везде преследовал меня. Непременно с восторженным фырканием, которое в начале нашего знакомства казалось мне угрожающим рычанием.

Но с тех пор прошло много времени, и мы стали настоящей командой мечты, а я даже увлеклась верховой ездой!

Когда летние каникулы подошли к концу и нам нужно было возвращаться в Гамбург, к нашей прежней жизни, мама внезапно решила, что мы вполне могли бы остаться здесь. Признаюсь, сначала я запаниковала. Я подумала о своей подруге Джетт. О своих курсах по рисованию. О своей комнате. О любимой

набережной. О шопинге в торговом центре. О моей жизни в большом городе, которая мне действительно очень нравилась. Я знала, что буду ужасно по ней скучать. Но потом я попыталась представить, что больше не буду видеть каждый день Булли, Лукаса, Шульце-Науманнов, да даже суперценных карпов кои дяди Хэйпа, и мне стало ещё больше не по себе. Поэтому я просто сказала:

— Отличная идея, мам!

Мама забрала мои документы из школы в Гамбурге и подала их в местную гимназию Гёте. На выходных мы съездили в город и упаковали все наши вещи в большие коробки, а ещё через три дня фирма, занимающаяся перевозками, доставила наши коробки и мебель в дом дяди Хэйпа. Перед этим мама, конечно, спросила у него по телефону, можно ли нам будет занять верхний этаж его каркасного дома. Дядя Хэйп был безумно рад, ведь за последние годы он раз сто предлагал мне и моей маме переехать к нему.

В общем, теперь я стала девочкой с Люнебургской пустоши (так назвала меня бабушка Гертруда), и мне это очень-очень нра-

вится. Только бесконечно долгие поездки на автобусе в школу и обратно очень утомляют. К счастью, Лукас, как и я, учится в гимназии Гёте. Хоть он на год старше меня, мы можем болтать с ним по дороге в школу.

— Давайте соберёмся завтра днём в три часа, — предложила фрау Шульце-Науманн, и, после того как бабушка Гертруда ещё раз похлопала дядю Хэйпа по впавшей щеке, соседи попрощались с нами.

— Фух! — выдохнул дядя Хэйп, посмотрев на нас с мамой. — Я и не ожидал такой суматохи.

Мама улыбнулась:

— Но это ведь здорово, что все рады твоему возвращению.

— Разумеется! — поспешно ответил дядя Хэйп. — Просто в последние недели, когда я ездил по Гренландии, я почти всё время был один. — Он сделал паузу, взглянул на свою собаку по кличке Клеопатра Вторая, которая сидела у его ног, и поправился: — Точнее, вдвоём с Клео.

Я проследила за его взглядом и не поверила своим глазам. Клео была толстой — нет,

невероятно толстой! Очень странно! Обычно дядя Хэйп тщательно следит за тем, чтобы его джек-рассел-терьер оставался в хорошей форме. Не зря же Клео часто занимала почётные места на собачьих выставках.

— А что случилось с Клео? — не удержавшись, спросила я.

Дядя Хэйп сделал глубокий вдох:

— Она просто подружилась с невесть откуда взявшимся бродячим псом.

Он многозначительно посмотрел на огромное пузо Клео, и я догадалась: мой Карлхен скоро станет старшим братом!

— Вот это да! — мама приподняла брови. — Значит, у Клео будут щенки?!

Дядя Хэйп кивнул, и мама хлопнула в ладоши:

— Так вот почему ты так рано вернулся домой!

— Ну, и из-за вас, конечно, тоже, — ответил он и почему-то покраснел.

Ого! Что это с ним? Он уставился на свои ботинки, словно увидел их в первый раз в жизни. Сейчас мой дядя был похож на застенчивого первоклассника, не решающегося войти в класс.

Мама положила руку ему на плечо и ласково улыбнулась:

— Хорошо, что ты вернулся, Хэйп!

Дядя Хэйп вдруг засветился, словно проглотил ведро углей из горячего гриля. Даже мне стало немного неловко.

— Мне нужно срочно проведать Булли! — заявила я и бросилась прочь.

Когда я вошла в конюшню, мой друг-пони поприветствовал меня дружелюбным фырканием. Рядом с ним, в соседнем стойле, дремал Уолли. В прошлом суперуспешный скакун такого же суперуспешного футболиста грелся на осеннем солнышке и ничего не видел вокруг себя.

— Привет, Булли, — тихо проговорила я и почесала у него за ушами. — Надеюсь, я не потревожила твой полуденный сон?

Булли помотал головой, словно говоря: «Ерунда! Ты мне никогда не мешаешь. Я всегда рад тебя видеть!»

Да-да, я была абсолютно уверена, что Булли понимает каждое моё слово, а потому изо всех сил старалась понимать и его. Но я об этом никому не говорила. Во-первых, потому что другие вряд ли бы мне поверили. Во-вторых, потому, что, когда я однажды по-

пыталась рассказать об этом Лукасу, он посмотрел на меня как на безумную.

— Дядя Хэйп вернулся, — я положила руку на тёплую мягкую шею Булли. — У его собаки Клео будут щенки... Интересно, как мы теперь будем жить все вместе? — В горле у меня застрял ком.

Булли уткнулся мне в бок мягким носом.

Сделав глубокий вдох, я прошептала:

— Знаю, я никогда не рассказывала тебе о своём папе. Но когда-нибудь я обязательно расскажу, обещаю, — я слегка наклонилась вперёд и нежно поцеловала в нос своего необычайно красивого друга-пони.

